
Дарвинизм в свете Бэкона и Декарта

1939?

Александр Федорович Котс

Изменяется ли мир живых существ?

Решение вопроса обусловлено другим: Что разуметь под словом «изменение»?

Что внешний вид животного меняется — известно каждому.

Достаточно напомнить **возрастные изменения**.

От **яйца**, в виде едва, заметной точки на поверхности листа, к червеобразной **гусеницы**, олицетворению прожорства, через спящую, безжизненную с виду, **куколку**, символику покоя, к **бабочке** — эмблеме жизни и движения — ....

От бесцветной капли студенистой жидкости под скорлупой яйца к беспомощному птенчику, а, годом позже, к пению жаворонка в синеве небес, — что может более наглядно говорить о смене формы бытия?!

Перед рождением бабочки, возникшей из белковой точки и рождением песни из белковой капли меркнут самые причудливые сказки или вымыслы поэтов.

И, однако, приведенные примеры, как и тысяча подобных, не вскрывают тайны бытия.

И, стоя в ясный летний день в цветочных гущах заливного луга, всматриваясь в сонмы реющих над ними бабочек, и вслушиваясь в пение птиц, мы в праве не поддаваться этому обилию движения и заподозрить в нем только поверхностную смену подлинного постоянства.

Этот мир живых существ может на деле оказаться столь же постоянным, как и мир безжизненной природы. Даже более того. Кто поручится, что в известном смысле царство камня и лазури неба не являются изменчивее организмов?

Восхищаясь пением жаворонка, потонувшего в лазури неба, и узоре облаков, или сидящего на камне полевой межи, возможно было бы сказать:

Эти плывущие по небу тучи, эти камни — более изменчивы.

Слагаясь или распадаясь по законам физики, эти плывущие по небу тучи, эти сколки полевого шпата в их теперешней конфигурации, быть может, никогда дотоле не существовали и являются на положении чего то абсолютно нового по очертаниям.

Не то живая жизнь упомянутых существ. Как ни изменчивы они в разную пору жизни, эти формы ничего не говорят об **историческом** их становлении: шли века, сменялись тысячи, миллионы птиц и бабочек, и то же скромное перо у первых, та же пестрая пыльца на крылышках вторых, то же взмывание ввысь, та же ликующая песня, то же реяние над купами цветов.

Не было пахаря и пашни, не было рождаемых лишь ею **наших** васильков, а голубые перышки варакушек синели, может быть, с той незапамятной поры, как прозвучала первая их песенка и первый крохотный лазурный мотылек, «Лицена», («Голубянка») в первый раз склонился над лазурным **диким** васильком.

Короче: Те разительные изменения, что наблюдаются сейчас во время роста и развития отдельной птички, бабочки, или цветка, как таковые, ничего не говорят об их далеком прошлом.

И опять, и снова выдвигается вопрос: можно ли думать, что подобно постепенному развитию и росту нынешних животных и растений на глазах у нас, их отдаленнейшие предки также медленно и постепенно развивались в продолжение миллионов лет?

Имеют ли животные **историю**, как некий ими пройденный процесс развития, преемственности, дифференцировки и какое право мы имеем говорить об «историчности» животных, наподобие того, как говорят об «историчности» Земли.

Более ста лет тому назад было научно установлено, что прошлое земной поверхности можно понять лишь из познания ее теперешнего состояния, что, идя от последнего к минувшему, а не наоборот, возможно разгадать историю поверхности земного шара.

Хорошо известно, как блестяще оправдалось это правило при объяснении «земного лика», — сложного нарощенного рельефа нашей «матери- Земли»: именно так, идя от нынешнего к прошлому, геологи расшифровали ее «древние морщины» — пики гор и абиссальные глубины вод, расщелины утесов и застывшие потоки лавы..

И, однако, как проста эта задача по сравнению с вопросом о происхождении живой природы!

Применяя сказанное о земной коре к ее животным обитателям, легко, казалось бы, найти искомое решение: и там, и здесь, и «лик Земли», и облики живых существ несут на себе явные следы своего прошлого...

И, как геолог, методически переходя от нынешней эпохи ко все более далеким эрам, шаг за шагом, слог за слогом расшифровывает прошлое земной коры, не так ли и зоолог, двигаясь вослед геологу, а еще чаще параллельно с ним, объединяясь часто с ним в одном лице, передвигаясь в глубь времен, пытается по ископаемым остаткам ископаемых существ, раскрыть историю их отдаленных предков.

И, однако, поддаваясь этой величавой аналогии, обычно забывают о бездонной грани, разделяющей оба объекта: «Лик» Земли и облики живых существ.

Это различие обоих выразимо в следующей форме: «лик Земли» — есть **хаос**, облик организма — **Микрокосм**.

Там, в построении земной коры, ее рельефа и растительного одеяния, объединяемых под именем «Ландшафта» — нет и тени той гармонии, которою насковозь пронизаны строение любого организма от мельчайшей инфузории до властелина мира — человека.

Грандиозная антиномия, полная глубокого и рокового смысла!

Эта внутренняя стройность и соподчиненность всех частей, слагающих живое существо, и полное отсутствие ее в земном рельефе и его ландшафтах.

Самое невзрачное живое существо, незстетичное по виду, есть на деле выражение незримой органической симфонии взаимно связанных частей.

Напротив, самые роскошные природные ландшафты суть лишь выражения анархии и хаоса, случайные остатки механического агрегата..

Обращаясь к образу, когда то приведенному — в совсем ином контексте — **Дарвиным**, можно сказать, что вся растительность земного шара, вместе взятая, сравнима с той, что покрывала некогда развалины древних индийских храмов: буйный и великолепный хаос развалин руины.

Или, обращаясь к более известному к давнему сравнению: Ветка «Лилии Кедрона» преисполнена гармонии, перед которой меркнут мраморы Миланского собора.

Но сама Кедронская долина — есть частица тектонического хаоса, итог случайных сбросов и наносов, более капризных, чем удел отдельной лилии, — завянуть на корню, пойти на корм скотине, увенчать чело умершего, или украсить косы юной новобрачной...

Проще и без романтических образов: история земной коры — это история великого распада, прошлое любого организма — есть история организмического становления.

Там — хаотичность разрушения, здесь гармоник микрокосмического синтеза.

Этим несходством двух объектов, именно поверхности земного шара и любого организма, обусловлены различия в объеме применения исторического метода: приема изучения минувшего по настоящему, избрания последнего исходной точкой для исследования первого.

И в самом деле. Рассуждая о былых процессах изменения земной коры, геолог оперирует с явлениями **однородного** порядка, подлежащими законам мертвой, неорганизованной природы — физики и химии, равно и совершенно приложимым к изучению любой эпохи.

Но не то, когда мы переходим к изучению живых существ, или его останков: С первого же взгляда поражает изумительная согласованность частей, то соответствие строения и функций, о которых ничего не знает мир слепых законов мертвой, неорганизованной природы.

Не случайно слово «организм» выводимо из понятия об «органах», последнее же взято из понятий человеческого обихода, из понятия «орудия», как «инструмента», созданного **для определенной цели** и работы.

И, как в человеческом быту и в технологии людской мы говорим об инструментах разного достоинства и совершенства, о прогрессе и регрессе в области изготовления орудий, так перенося эти людские выражения или оценки в толкование живых существ, биологи привыкли их классифицировать по степени их органического совершенства, говорить о «прогрессивности» и «регрессивности» организации, о «высшем», или «низшей» стадии развития отдельных черт, о «примитивных» или «специализированных» формах.

Говоря иначе, в полное отличие от мертвой, неорганизованной природы, мир живых существ пронизан в представлениях современного биолога, — моментом антропоморфизма, привнесением понятий, вырастающих не только описание отдельных признаков, но их квалификацию, их качественную оценку.

Но едва ли нужно говорить, насколько произвольны и условны, в отношении животных, эти рассуждения о животных органах по образцу людских изделий, воплощающих идею, мысль, цели, назначение орудий.

И, поскольку в объяснении природы современная наука отрицает «целевые» объяснения, признавая лишь **причинные** перед биологом встает задача: **объяснить целенаправленность строения организмов без целенаправленных причин и факторов, их породивших.**

Что же до внесения понятий «Примитивность», «Регрессивность», «Прогрессивность» при оценке разной «высоты организации» живых существ, то оправдать эти понятия возможно только в свете историчности этих последних, их возникновении одних позднее, других раньше, как различными по времени являются людские изобретения, орудия культуры.

Вместе взятое определяет основные две проблемы **Биологии**:

Понять природу органических приспособлений.

Доказать конкретно историчность организмов.

Но имеется еще одна большая трудность в применении исторического метода к проблемам биологии: мы разумеем завершающую и ответственной главу: **проблему антропогенеза.**

Высшее звено в цепи существ живого мира, **человек** естественно включается в его исследование, при том не только по физической своей природе, но и по психической организации.

И, каковы бы ни были воззрения наши на взаимоотношения обеих, — методически они различны, как различны видимый и осязаемый телесно человек и наше представление о нем.

Во всяком случае, ни штангенциркулем, ни дробью, ни горохом (применяемым для измерения объемом черепов) нам не проникнуть в понимание развития и роста умственной культуры ископаемых далеких предков человека.

И пытаясь проследить зачатки зарождения специфично-человеческого на заре его предисторического прошлого, касаясь генезиса интеллекта в его первых проявлениях, — мы вынуждены оперировать с понятиями **не** естественно-научных а **гуманитарных** знаний: психологии и экономики.

В полнейшее отличие от мира камня и построенного им «земного лика» — мир живых существ, включая человека, как биологического образа, настолько сложен, что не может быть разгадан в своем прошлом только помощью естественно-научных методов. Не даром содержание любого современного учебника по Геологии так резко распадается на основные два раздела: «Динамическую», посвященную «образованию земной коры», сводимую к законам Химии и Физики в их вечном повторении, и «Историческую» Геологию, нам говорящую о то, что никогда не повторяется: «истории возникновения и смены организмов на поверхности земного шара».

Повторяем: Взятая во всей бездонной глубине проблема органического мира обнимает в разной степени вопросы Биологии и области гуманитарных знаний, недоступные ношу, весам, реторте, микроскопу, циркулю и заступу, но подлежащие лишь историческому методу.

И в этом основная трудность миссии биолога, смотрящего попеременно на живые существа то взором химика и физика, то таковым историка, ища за бесконечной **повторяемостью** смены форм — **неповторимые** моменты **исторического** становления.

Формулятивно выражаясь, можно было бы сказать:

История народов есть трузизм

Историчность организмов есть проблема, подлежащая решению

История земной коры есть нечто лишь условно понимаемая, как арены нескончаемой игры и смены сил природы без намека на развитие в смысле качественного прогресса.

Но имеется еще одно отличие в познании мертвой и живой природы, именно мировоззренческая роль последней.

Каково бы ни было происхождение земной коры, ее рельефа, ее «каменных морщин», взмывающих до неба гор, или зияющих лощин, — но все эти явления мертвых тел и отдаленно не затрагивают нашего мировоззрения в такой же мере, как проблема органического мира, в частности проблема антропогенеза.

И понятно, почему. Ведь каковы бы ни были эти процессы, приводящие к образованию Мон-Бланов, или к безднам океанов, — но явления эти не влияют прямо на проблемы нравственной культуры, вне которых нет и быть не может никакого мирозерцания. И не даром к сходным толкованиям «земного лика» приходили люди, антиподы по мировоззрению.

Насколько иначе рисуется проблема органического мира, как мировоззренческого фактора.

Пусть безразличны для ума и сердца не-геолога процессы возникновения заоблачных высот, морских глубин.

Но нет того причастного к культуре сердца и ума, который бы в раздумье не остановился над вопросами культуры, высотой подвига и глубиной зла.

Пусть равнодушны Вы к стареющему облику Земли, к «морщинам» — складкам и расселинам земной коры..

Морщины человеческие приведут Вас на раздумья, и при том двоякого порядка:

Положительно, центрируя внимание на судьбах человечества, его природы и происхождения.

Отрицательно, — примешивая в трезвые рассудочные рассуждения моменты страсти и субъективизма.

В этом привнесении субъективных стимулов, или оценок, заключается важнейшая преграда к разрешению проблемы органического мира, в частности проблемы Антропогенеза.

Вдумаемся в эту полную глубокого значения и драматизма ситуацию.

Диктуемое чувством более, чем разумом, мировоззрение большинства людей базируется всего прежде на эмоциональных доводах и лишь ничтожнейшее большинство пытается рассудочно обосновать его.

И только этим квиетизмом и консерватизмом мысли можно объяснить настойчивость, с которой явно архаические взгляды и суждения, не имеющие тени доказательства, поддерживаются в силу рутины, моды, или приводящих интересов, только приковываемых для вида ссылками на мнимые авторитеты.

Таковы главнейшие завесы и заставы на пути познания живого мира, о которых ничего не знает познание мертвой, неорганизованной природы.

И сводя в одно все сказанное о различиях в подходе к изучению обоих, можно сформулировать эти итоги следующим образом:

- I. Не в пример «земному лику», как аморфному агломерату, облик человека, как и всякого иного организма, может быть разгадан исторически лишь в свете его **целостного** изучения.
- II. Затрагивая непосредственно все наше миропонимание, проблема органического мира и в особенности человека и его доисторического прошлого гораздо более доступна привнесению субъективных, априорных элементов, чем «история» земной коры.

III. Столь обычное перенесение понятия **истории** и исторического метода на прошлое земной коры, и организмов забывает о неадекватности понятия «история» для каждого из этих трех объектов.

IV. Частое несоответствие отрывочности фактов и ответственности обобщений призывает к наивысшей осторожности при усвоении последних и к отказу от идей, держащихся лишь силой чувства или мнимого авторитета.

В этих четырех итогах можно без труда узнать уже знакомые нам требования, триста с лишним лет тому назад предъявленные эмпирической науке гением **Франциска Бэкона**, его учения об «**идолах**», о четырех источниках иллюзий и ошибок, затрудняющих познание Природы.

Вопреки своей элементарности эти четыре Бэконовских требований слишком часто забываются, чтобы не быть еще раз приведенными.

Напомним их еще раз применительно к интересующим нас частным случаям и четырем различным промахам, или ошибкам.

I. Упущения, порождаемые свойствами нашего чувственного восприятия, мешающими охватить явление во всей его единой совокупности и побуждающими заключать о целом по случайным и отрывочным его слагаемым.

II. Ошибки, обусловленные свойством большинства людей судить о наблюдаемых явлениях и фактах только с одного аспекта и одной лишь точки зрения, им наиболее отвечающей, созвучной их наклонностям, познаниям и интересам и потому лишь кажущейся наиболее существенной и достоверной.

III. Недочеты, объясняемые то несовершенством слова (сходным наименованием неодинаковых вещей), то склонностью людей считаться с «общепринятым», ходячим мнением, хотя бы и ошибочным.

IV. Промахи, проистекающие от чрезмерной веры в истинность чужого мнения, в авторитет, в непогрешимость признанной для данного отрезка времени академической науки.

Таковы четыре основных источника ошибок и погрешностей в аргументациях по занимающему нас вопросу.

Акцентируя ближайшие пути и средства их преодоления, мы получаем следующие четыре нормы, или пожелания:

1. Не будем смешивать познание общего и частного, не будем выносить суждения о целом по отрывочным его чертам, хотя бы наиболее обычным и заметным.
2. Не будем обсуждать, или расценивать явления и факты только с точки зрения своей профессии, своей платформы, памятуя, что природа вряд ли ориентировалась на последние.
3. Не будем доверяться собственным главам и мыслям меньше, чем чужим авторитетам, будем осторожны в ссылках на свидетельства самого смелого, но наименее надежного арбитра, именуемого «Здравым смыслом».
4. Будем помнить о большой опасности — переоценивать слова и склонности людей обозначать различные явления и факты сходным образом, невольно заменяя познания вещей игрой понятий и словесной спекуляцией.

Таков конечный вывод, освященный триста лет тому назад не только **Бэконом**, но и великим основателем новейшей философии — **Декартом**.

Здесь достаточно наполнить об известных четырех руководящих «правилах Декартовского Метода»:

1. Принимать за истину лишь абсолютно достоверное, бесспорное до очевидности.
2. Трудные задачи разделять — для облегчения — на дробные.
3. Последовательно переходить от наиболее простых задач к более сложным.

4. Охватить предмет во всей ему присущей полноте, без всяких произвольных пропусков.

Как ни банальны эти правила, можно уверенно слагать, что только их несоблюдением возможно объяснить ту неустойчивость, воззрений, что нередко побуждает тех же авторов в разную пору жизни истолковывать по разному те же явления и факты, и не в силу появления новых данных, а лишь за непродуманностью и поспешностью первоначальных взглядов.

Хорошо известен афоризм знаменитого **Лапласа**: «Строгость доказательств должна быть адекватной важности даваемого заключения.»

Еще более внушительно та же идея была высказана другом **Дарвина**, и величайшим из его защитников, Томасом **Гексли**:

«Вся история наук предупреждает нас, что утверждения, выходящие за пределы полной очевидности, являются не только грубыми ошибками, но преступлением.»

И, наконец, еще решительнее, лапидарнее эту ответственность ученого за защищаемое им суждение было выражено знаменитым физиологом **Шарлем Рише**, сказавшим, что при построении научных выводов нужно быть столь же строгим к себе и столь же осмотрительным, как при вынесении смертного приговора.

Попробуем же в свете этих мнимо тривиальных правил подойти к проблеме органического мира и понять его происхождение.

При этом не в пример **Декарту**, будем исходить из трех готовых предпосылок, вне которых наши рассуждения были бы бессмысленны и беспредметны.

Исходить мы будем из троякого признания: вещной реальности этого мира, материальности его и полной познаваемости.

Все другое мы сознательно условимся считать открытым, спорным, подлежащим пониманию заново.

При этом постараемся не уподобиться тем критикам, которые при обсуждении критикуемых авторов, не в силах выйти за пределы фактов и примеров, ими приводимых, но попробуем по мере сил использовать для наших обсуждений новые тактические данные, или, по меньшей мере, менее известные.

Полезно помнить об удачной реплике, когда то брошенной одним виднейшим дарвинистом, говорившим, что подобно вирулентности вакцины, понижаемой по мере многократного использования, — факты, или доводы науки, при повторном книжном повторении, теряют в убедительности, уступая знаниям, полученным из первых рук.

С упором на такие доводы и факты, взятые не «на прокат» книг, а из самой Природы, и на базе личного, конкретно-вещного знакомства с ними, попытаемся же приступить к нашей задаче. **Заново проверить основные, главные устои эволюционного учения Дарвина.**

Казалось бы, что этим словом «**Эволюционное Учение Дарвина**» достаточно определяется все содержание последующих страниц.

На самом деле это далеко не так и с первой же попытки ближе очертить тематику нашей работы, перед нами возникают трудности или сомнения, о которых так настойчиво твердили два великих реформатора научной мысли.

Поражает всего прежде крайняя разноречивость понимания слова «**Дарвинизм**», вытекающая из манеры разных авторов влагать в это понятие самые разные и часто глубоко неправильные толкования.

Достаточно здесь привести лишь два примера.

Но суждению одних ученых, в сущность Дарвинизма входит кроме самого принципа Эволюции живой природы и естественного Подбора, также и Подбор искусственный, как метод изменения и улучшения пород домашних животных и культурных растений.

Хорошо известно, между тем, что все главнейшие породы одомашненных животных были выведены за рубежом задолго до рождения **Дарвина**, настойчиво указывавшего, что применение этого Отбора было в ходу еще в глубокой древности, не говоря о том, что ссылки на него имеются и у прямых предшественников **Дарвина**, — его прославленного деда, у Бюффона и Ламарка.

Далеко не редко также можно встретить (и при том в Учебниках и сводках) указания на то, что «**Дарвин** доказал происхождение всех многоклеточных живых существ, включая человека, от былых, древнейших одноклеточных животных.»

Хорошо известно, между тем, что именно по этому вопросу **Дарвин** никогда сам не работал и не мог высказываться, в полное отличие от **Гэккеля**, которому, как протистологу и как натурфилософу, принадлежит эта концепция.

В чем же, — естественно спросить — оригинальная заслуга **Дарвина** и что в строжайшем смысле слова должно понимать под словом «**Дарвинизм**»?

Сознавая крайнюю неблагодарность этого вопроса ¹, мы условимся главную сущность **Дарвинизма** видеть

1. в признании беспредельной эволюции живой природы и
2. в выдвигании «**Борьбы за Жизнь**» и **Естественного Подбора** как главнейших двигателей этой эволюции.

Но уточнивши, таким образом, нашу тематику, полезно, следуя **Декарту**, расчленив нашу задачу на ее слагаемые, чтобы изучить отдельно, порознь, ее разделы. Таковых мы различаем два:

А. Доказательства наличия эволюции животного мира.

В. Факторы, причины этой эволюции.

Как ни элементарно это разделение, хорошо известно, что сам **Дарвин** в знаменитой своей книге поступил как раз наоборот, начав с разбора **факторов**, чтобы затем уже перейти к обоснованию **факта** эволюции, — прием, столь же логичный, или вразумительный, как если бы, начав с раскрытия **причин** пожара, мы затем лишь стали бы доказывать **наличие** пожара.

И хотя психологически этот порядок изложения, избранный когда то **Дарвиным** вполне понятен (лишь раскрыв причины эволюции, возможно было убедить в наличии ее...), — заведомая нелогичность построения всей дарвиновой книги от того не менее беспорядна.

Несравненно более существенна другая неувязка: частое смешение **Дарвиным** обеих названных проблем по существу; смешение Факта Эволюции и ее факторов, нередко наблюдаемое у него (особенно в Предисловии к «Одомашненным Животным») именно отождествление учения об Эволюции и объяснения ее путем Естественного Подбора и тенденция в противниках последнего усматривать противников идеи изменчивости организмов.

Перед нами — самое типичное несоблюдение двух первых правил **Бэкона**: ошибка порожденная **односторонностью** суждения (центрировании мыслей **Дарвина** на Естественном Подборе) и склонностью судить о целом (Эволюции) по одному слагаемому (Ест. Подбору).

Но и в отношении каждого на приведенных двух разделов следует отметить ряд ошибок, или промахов, обычных, как у **Дарвина**, так и у большинства его преемников и критиков и также обусловленных несоблюдением Бэконо-Декартовых заветов.

Так, по линии доказательств эволюции:

---

¹Здесь уместно вспомнить замечательную мысль **Гете**:

Говорят все время об оригинальности, но что этим хотят сказать! Как только мы рождаемся, мир начинает на нас оказывать влияние и так оно продолжается до конца. — И так повсюду.

Ибо что иное можем мы назвать подлинно нашим, как не энергии, силу, волю. — Если бы я смог сказать, сколь многим я обязан великим предшественникам и современникам, — то лично моего осталось бы немного!

—Разговоры с Эккерманом, Издание Реклам. стр.123.

- a. Смешение эволюции отдельных органов к эволюции их обладателей, самых организмов. Оно, это смешение весьма обычное для Дарвина и многих дарвинистов. Эта ошибка связана со следующей.
- b. Переоценка таксономической значимости отдельных черт и построение «систем» и «родословных», руководствуясь исследованием одного, или немногих признаков, — промах, особенно серьезный при базировании на признаках «количественного» порядка, не охватывающих целого комплекса отдельных свойств.
- c. Смешение **морфологической** и **Исторической** преемственности (ошибка — связанная с предыдущей!). Отождествление искусственно построенных рядов отдельных признаков и состояний («Форменрене») и искомым «предковых рядов» («Аненреие»).

По линии объяснения эволюции.

- a. Смешение эволюции «приспособительных» и «видовых» отличий, вопреки их явному разграничению для большинства последних. Это крайне характерное смешение понятий «Вида» и «Приспособления» грешит несоблюдением 3-го Правила, или наказа **Бэкона**, — стремления расценивать явления и факты со своей лишь «вышки» (Идолум Спекки).
- b. Оперирование со сложнейшими понятиями (как «Борьба за существование») не условившись о достоверности слагающих их элементов. Явное несоблюдение 3-его Правила **Декарта** и его совета — начинать с анализа сравнительно простых слагаемых, переходя лишь постепенно к более сложным.
- c. Прибегание к суммарным ссылкам на «различные» причины эволюции без точного разграничения сферы, роли и значения (доли участия) каждой из них.
- d. Смешение подхода **философского** и собственно **биологического**, или **исторического** в объяснении проблем биологических. Поняв отдельное явление **материалистически**, так напр. сведя какой либо процесс физиологии к его химической и механической основе, забывают о необходимости раскрыть **причины**, или **факторы**, приведшие к такой именно связи органа и функции.

Нетрудно видеть, что в основе этой недоговоренности лежит все то же игнорирование II-го Бэконова правила: стремления объяснять явления со своей лишь «вышке», забывания того, что ссылкой на материалистичность связи органа и функции, проблема генезиса этой связи совершенно не затронута.

Мы рассмотрели основные, наиболее обычные источники ошибок, или упущений в области науки, как они когда-то сформулированы были триста лет тому назад ее двумя великими трибунами.

Нам остается сказанное завершить напоминанием еще о двух ошибках, искони присущих человеческим оценкам, но особенно возросших в наши дни.

Мы разумеем всего прежде столь обычное суждение о том, или ином ученом на основе только взглядов, спорных, или даже вовсе неприемлемых, отбрасывая многие другие, положительные стороны его работы. Сказанное поясним примером.

Хорошо известно, как глубоко-отрицательно относится Советская наука к **Вейсману** и, в частности, к его учению о «бессмертии одноклеточных», о резком противопоставлении «зародышевой плазмы» от «телесных клеток» («соматических»).

Недаром имя фрейбургского зоолога стало у нас названием нарицательным для выражения «Антидарвинизма». И поскольку отрицанием эффективности **прямого** действия среды на эволюцию живого мира **Вейсман** разошелся с **Дарвиным**, на склоне жизни, как известно, упрекавшего себя в недооценке «фактора среды», — этот отход от **Дарвина**, является беспорным.

Но не говоря о том, что рассуждения о «бессмертии» одноклеточных или «зародышевой плазмы» многоклеточных, рожденные годами почти полной слепоты их автора, воспринимались современниками как «романтика» (ни мало не влиявшая на практиков-селекционеров..) для истории науки **Вейсман** всего прежде представитель крайнего селекционизма и противник Ламаркизма.

Но поскольку основным, центральным фактором, или причиной эволюции является по **Дарвину** Естественный подбор, — его усиленное выдвигание **Вейсманом**, побудило руководящих дарвинистов Англии усматривать именно в нем **прямого продолжателя учения Дарвина**.

Но любопытнее другое. За романтиком-дедуктивистом, «ультра-дарвинистом» **Вейсманом** обычно забывают индуктивно-экспериментальные его работы раннего периода, в частности исследования над диморфизмом бабочек, приведшие к признанию, что «отличия видового ранга могут возникать одним только **прямым воздействием внешних условий**.» (1875).

И вот является вопрос: уместно ли за спекуляциями старого полуслеплого **Вейсмана**-дедуктивиста, забывать об индуктивно-опытных работах молодого **Вейсмана**?

Конечно, можно, но ценой ущерба для науки и отказа от элементарной логики и от наказов **Бэкона-Декарта**.

Здесь легко предвидеть возражение. Нам скажут: Разве не на базе Вейсманизма стали вырастать, вернее укрепляться ядовитые ростки расизма и фашистских изуверских бредней?

Мы ответим: Вся история культуры всех времен и всех народов говорит о том, что не было того умения, тех открытий и теорий, даже самых светлых, благородных и возвышенных идей, которые не подвергались бы порой грубейшим искажениям и извращениям у части современников и эпигонов.

Применения сказанное к области науки, должно вспомнить сказанное некогда великим дарвинистом, другом **Дарвина** Томасом **Гексли**, говорившего, что ни один ученый не ответствен за те выводы, что строятся из них людьми в антинаучных целях.

И лишь — там, где, как у зарубежных «социал-биологов» — расистов, гнусные попытки оправдать учением **Дарвина** их политические бредни, выдают моральную несостоятельность их авторов, — мы в праве проявить нашу научную непримиримость, осудив подобных лжеученых одновременно и как людей, и как научных обскурантов.

Р. **Декарт** (1595-1650) (Со скульптуры В. Домогацкого в Гос. Дарвиновском Музее.) (???)